

Папка № 112.

- /между 1921-1922 гг./

Машинописная копия воспоминаний Ф.Раскольникова "Накануне
Октябрьской революции".

Ф.33987, оп.2, д.141.

р 33987, on 2, 7 141, 1 463 - 500

До мере нарастания октябрьской революции растерявшееся правительство Керенского, все яснее чувствовавшее ускользание ног почвы, — пропорционально силе нажима рабочего класса, — одного за другим выпускает на свободу арестованных политических друзей большевиков.

В один из сентябрьских вечеров, когда солиды уже садилось крестную ограду, совершенно неожиданно был освобожден Л. Д. Троцкий. Так как после "Корниловских дней" мы снова добились частично: внутри-казематной свободы и в течение дня имели свои двери открытыми, то, услышав о радостной вести, что "Троцкого выпускают", я тотчас-же прервал свои занятия и зашел в соседнюю камеру, где Лев Давидович, в нескрываемо-радостном возбуждении, с ярко-красной, выступившей на лице, уже складывал свое имущество, главным образом состоявшее из литературы, рукописей и газетных вырезок.

Для облегчения своей ноши Лев Давидович на радостях подарил мне едва-ли не половину своих книг, в числе которых была и та же книга, "История революции 1848 г." Даниэль Стэрв. Тов. Троцкий с большим интересом штудировал в одиночном заключении эту книжку, делая на полях пометки и находя, что авторство этой "Истории" по важности понимания политических событий решительно ничем не уступает Ираклию Георгиевичу Церетелли.

В разговоре Лев Давидович охотно проводил интересные параллели между французской 1848 г. и переживавшимися событиями, обнаружив, что Франция 1848 г. тоже имела своего Бурцева, так-же без зазрения совести фабриковавшего фальшивые документы и прогнав деятелей революции.

На этот раз Лев Давидович заволнован внезапною освобождением, предчувствием возобновления ответственной политической работы, его родной стихии, и с какой-то радостною озабоченностью собирался к отъезду на мрачные и не гостеприимные "Крестов".

Словно чувствуя некоторую невозможность перед нами, оставшимися в тюрьме, Д.Д. обещал приложить усилия к скорейшему освобождению всех арестованных по делу 3-5 июля.

Прогодив Льва Давидовича, мы собрались в январе т. Рогова и за шахматной игрой высказывали предположения о перспективах разрешения, о предстоящей деятельности Троцкого и о нашем освобождении.

Наконец, 11 октября наступила моя очередь. Начальник тюрьмы прапорщик эс-эр пришел сам обрадовать меня сообщением о получении ордера на освобождение.

Т. Рогова был несколько удивлен и опечален, что на этот раз он был отделан от меня. После дружной совместной работы в Кронштадте наша вина настолько неразрывно была спаяна вместе в хитросплетениях "третьемильского" процесса и в травле со стороны буржуазной печати, что когда в последствии, уже в октябрьские дни, я приехал во главе отряда моряков на поддержку Красной Москвы, то тов. Куралов, наш первый командующий войсками Московского военного округа, в первой встрече, вспоминая мое имя, Зверев спросил меня: "Эн-Раскольников-Рогова?" И мне пришлось рассеять недоразумение, дав разъяснения, что хотя Раскольников и Рогова действительно связаны тесными дружескими узами, однако они представляют собою два разных лица.

Не менее, чем Рогова я так же был изумлен, что меня отнимают от моего политического близнеца, против которого, к тому же в следствие было собрано много материала.

Я постарался успокоить Семена, обещав ему сделать все возможное для восстановления поправленной справедливости.

В партийной тюрьме меня отдал кронштадтский ватрос т. Целяков собственноручно пришедший приказ о моей свободе и уже успевший внести на партийных средств три тысячи рублей залога.

Формально, как и другие товарищи, выпущенные из тюрьмы, раннее меня, я числился освобожденным до суда "под залог".

Но наше "тело 3-5 июля", обильно оснащенное железной ружьей

1.466

гося немецкого шпиона Эрмолью и дельца жандармского
дователя Александра, прекрасно не было и вокруг него
Г. Александровский и др. продолжались плести чудовидную паутину.
Однако ровно через две недели восставший рабочий класс
хлопнул папке "делам-3 июля" и свел их на хранение в исто-
рический архив, как яркий образец слепоты и истрастия
вождя.

Идя из тюрьмы на Зыбorskую набережную, вдохнув вечер-
нюю прохладу, струящуюся от реки, я, едва оставив за собой
важные и угрюмые ворота "Крестов", тотчас почувство-
вал приятное сознание свободы, знакомое только тем, кто на-
чался ценить ее за решеткой. От финляндского вокзала мы в
тридцать быстро доехали до Смольного. Увс стемнело и всюду
горели огни.

У под'езда среди колонн мне встретился Г.П.З. Динбенко.
"Зду в Колпино-грозить шеньшевиков"-торжествующе, в пред-
чувствии близкой победы, пробасил мой товарищ по морской
профессии. От всей его рослой фигуры, захваченной политичес-
ким азартом, на меня сразу пахнуло живне радостным упоением
самим процессом разгоразтеся борьбы. Мы оба спешили и тотчас
разстались.

Поднявшись по лестнице, я прежде всего направился в ка-
бинет Г.Троцкого. Только что закончилось заседание с'езда
советов Северного округа. Лев Давидович сидел за письменным
столом, окруженный целым рядом товарищей. При виде меня он
поднялся и мы сердечно поздоровались.

"Пройдите завтра на заседание с'езда"-с улыбкой сказал
он-"Зас приветствуют".

Недолго поговорив с нами я по длинным коридорам, кишав-
шим многолюдной толпой, направился в столовую.

Смольный производил странное неприятное впечатление.
Чувствовалось, что атмосфера накалена, в воздухе пахнет гро-
зом. В настроениях делегатов с'езда в центральных партийных

1466
Никто не заметен какой-то необычайной силой, крайней
силе.

Группами и попарно товарищи воодушевленно дискутировали
то вопросы. Мне тотчас рассказали, что Цекя принял реше-
е вооруженном восстании. Но есть группа товарищей, воз-
инимая Зиновьевым и Каменевым, с этим решением не соглас-
считавших восстание преждевременным и заранее обреченным
удачу. Тут-же, в столовой, мне дали прочесть напечатанное
нескольких листах на машинке мотивированное обоснование
и точки зрения подписанное двумя вышеназванными товарищами
предназначенное для циркулирования среди партийных работ-
ов.

Этот любопытный документ показался мне недостаточно убе-
дительным. Еще в тюрьме, ведя продолжительные беседы на тему
перспектив русской революции, мы в последнее время
очень часто приходили к выводу, что революция уперлась в во-
оруженное восстание и что навряд-ли представится другой более
удобный момент, чем сейчас, когда со времени Корниловского
восстания крепнущая с каждым днем наша партия достигла, нако-
пительного колоссального влияния в рабочих, солдатских и даже крестьян-
ских массах.

Однако в тюрьме мы не могли наглядно представить себе
реальных размеров движения, но уже первый день в Смоль-
ном, многочисленные беседы с товарищами окончательно убедили
меня, что настроение масс достигло точки кипения, то они в са-
мом деле готовы, и партии нужно немедленно возглавить движе-
ние и перейти к новой революции, чтобы не упустить на долгое
время благоприятный момент.

О существующих разногласиях и группировках мы в тюрьме
не имели понятия, но во всяком случае было очевидно сознавать,
что большинство Цекя в этом кардинальном вопросе пошло за сво-
им гениальным вождем, выкинувшим ловушку вооруженного восстания
как немедленной очередной задачей текущего дня.

ЗН 1467

Добро было бы более тщательно выяснить точку зрения "оппозиции". Встретившись с И.З. Каменевым, моим старинным другом, я тотчас вступил с ним в разговор по поводу "наших разногласий". Дав Борисович охотно развил мне свои взгляды. Исходный пункт его позиции сводился к тому, что наша партия еще не подготовлена к перевороту. Правда, за нами идут больше и разнородные массы, они охотно принимают наши резолюции, но от "бушного" голосования до активного участия в вооруженном восстании еще очень далеко. Напротив, трудно ожидать от петербургского гарнизона боевой решимости и готовности победить или умереть. При первых критических обстоятельствах они нас бросят и разбегутся.

С другой стороны, правительство-говорил т. Каменев-располагает великолепно организованными и преданными ему войсками: казаками и инкерами, которые сильно натравлены против нас и будут драться отчаянно, до конца.

Делая отсюда пессимистические выводы относительно низких шансов победы, т. Каменев приходил к заключению, что неудачная попытка восстания приведет к разгрому и гибели нашей партии, тем самым отбрасывая назад и надолго задерживая развитие революции.

Я не мог разделить этого скептицизма и высказал свои соображения т. Каменеву. Но, как всегда бывает между убежденными людьми, мы оба разошлись, оставшись каждый при своем мнении.

Тов. Влаханов Целехов, неотлучно сопровождавший меня, уже давно настаивая, что пора ехать, так как он обещал Кронштадтскому комитету сразу из тюрьмы привезти меня в Кронштадт и, наконец "ребята" уже давно злут на пристани.

Мы отправились на пристань сев на приготовленный для этой цели катер, поплыли в Кронштадт.

Славный парень был этот Целехов.

Горячий, вспыльчивый, решительный и отважный матрос с честной революционной душой. Февральская революция застала его на

1.468

на работе, где он рванулся по одному из многочисленных процессов Кронштадтских моряков. В царской тюрьме он надломил здоровье, вероятно, отсюда вынес лихорадочный блеск своих глаз, впалые щеки, худое сложение и чахоточный кашель. В первые дни революции он был выбран членом Кронштадтского Совета.

Дорнаястый энтузиаст, он не мог сидеть спокойно, когда обсуждался какой-нибудь животрепещущий вопрос.

Он возмущался, брал слово, произносил возмущающую речь, но, наконец, его голос срывался он захлебнулся и не в состоянии закончить того, что хотел сказать, бавильно махал рукой с крепко сжатой в нее матросской куралкой с ленточками и перво сажился на свое место.

Т.Целехов пришел в нашу партию от левых эс-эров между февральской и октябрьской резолюцией и считался в нашей организации одним из левых, так что т.Ромаль не раз шутили называл его "анахронизмом". Теперь, на пароходе, т.Целехов познакомил меня с Кронштадтскими настроениями дошедшими до высшей стадии революционного напряжения и дополнил мои сведения о партийных делах. Тут же он дал мне прочесть письмо члена партии тов. Ленина.

Это письмо окончательно укрепило меня в правоте своих взглядов на неотложность переворота. Т.Ленин очень убедительно защищал эту идею, исходя из анализа реального соотношения сил.

В пользу своей аргументации он не только проводил логические выводы, но и подкреплял их статистическими выборами в Совете и Городские думы. Окончательный вывод был таков, что подавляющее большинство рабочего класса, значительная часть крестьянских масс решительно за нас. Ажда мира обезпечивает нам большинство солдатской массы.

Политическая атмосфера накалена до крайности. Настало время пролетарской революции, свержения ненавистного правительства Керенского и установления диктатуры рабочего класса и крестьянства.

Этот момент не должен быть упущен. Дать нельзя. Революция габнет. За нами верная победа.

1469

Бластящее письмо Ильича, этот значительный революционер призвал к повстанью, зов на баррикады как нельзя-более подняло мое настроение.

Наш маленький катер уже приблизился к Кронштадту. Издали сверкавшие огни красного острова становились все ближе и ярче, пока, наконец катер не проскользнул в заливную гавань.

Несмотря на поздний час на летней пристани, в парке, перед памятником Петру Великому, стояла большая толпа моряков и рабочих. Оказывается, товарищи готовили мне встречу когда мы подходили к пристани раздался анаколический звук морского. Катер остановился.

Одним из товарищей, выйдя с пристани произнес приветственную речь. Весь под впечатлением возбуждающих слов т. Ленина, я произнес одну из своих самых резких речей. Все точки нас и здесь были поставлены. После краткой уничтожающей характеристики режима Керенского, я в заключение употребил такую фразу: "Временное правительство инкриминировало мне призыв к вооруженному восстанию."

Но это была голая ложь.

Тогда я призывал Зас-Кронштадтцы не к восстанию, а к вооруженной демонстрации. Но сейчас я говорю Зам: восстановите и свергните это ненавистное буржуазное правительство Керенского, которое гонит революционеров в тюрьме, держит Ленина на нелегальной положении и не останавливаясь наперед чем душит революцию."

Я тотчас заметил, что чем резче, решительнее, определеннее были слова тем более сочувственный отклик они вызвали.

Даже для Кронштадта, который в течение всех этих вечаний и летних месяцев 1917 года буквально кипела эта атмосфера крайнего революционного подвига была необычайна.

Чувствовалось, что ненависть к Временному правительству достигла высших пределов и мысль о его свержении во что-бы то ни стало гвоздила голову каждого сознательного, рабочего,

матроса, солдата, крестьянина. По окончании речи из зала поднялись в здание партийного комитета. По установившемуся в Кронштадте обычаю товарищи, которым устраивалась встреча, сейчас же подхватывали на руки и несли, как гроб, возвышая его над толпой. Я не успел опомниться, как сильные, мускулистые руки матроса схватили меня с разных сторон и медленно понесли.

Признаюсь, я чувствовал не совсем удобно ощущение неловкости были несколько похожи на те, которые я пережил в Японии, когда мне пришлось однажды ехать на рикше.

К счастью помещение партии было очень близко всего в нескольких саженях от пристани, Кронштадтский комитет сравнительно долго перед этим переехал в здание бывшего Военно-Морского Суда. Мы поднялись во второй этаж. Огромный судебный зал сохранился красным сукном и высокими чинными, судейскими креслами был полон народу. Там, где еще недавно судили революционных моряков, вносили каторжные приговоры, сейчас в преобладающей массе сидели те же самые моряки-революционеры, но с гордым независимым видом судей буржуазного класса и вершителей судеб революции.

Мне пришлось выступить с более пространной речью. Умея в тюрьме широкой досуг, добросовестно читая почти все русские газеты, я располагал порядочным материалом и мне нетрудно было, в течение полутора часов знакомить с ним товарищей, несмотря на физическую усталость, уже овладевшую мною к концу этого утомительного первого дня свободы.

По окончании моего доклада, уже поздней ночью мы, старшие друзья по Кронштадтскому комитету собрались в отдельной комнате за чаиным столом. Здесь были почти все активные работники Кронштадта вместе с которыми было еще мало прожито и так много прожито в каких-нибудь четыре бурных месяца - с февраля по Июль. Вся старая гвардия "Кронштадтцев" была налицо.

Молодой врач Лазарь Абрамович Брегман, только-что окончивший Бржевский /Дерптский/ университет и выпущенный в Кронштадт

113 (147)
в начале мевральской Революции т. Дешевым, застенчивый, с при-
ятой улыбкой и мягкими добродушными глазами; он был у нас ос-
ным любимцем.

Мало выступая на митингах, он был близок к комиссарской
работе и Кронштадтский комитет неоднократно возлагал на него
разнообразные задания большей частью организационного харак-
тера. Сверх того, тов. Брегман вел активную политическую ра-
боту среди команды учебного корабля "Заря Свободы" / бывший
"Александр II", который к этому времени уже вышел на положе-
ние старой калоши, однако сохранил свое вооружение состоявшее
из восьми 12-дюймовых орудий в 40 калибров.

Этот архангелский корабль был нашей главной боевой силой
и настроение его команды нами придавалось первостепенное
значение. К чести "Зари Свободы" нужно сказать, что всякий
все время был стойкой и непоколебимой опорой большевизма.

Позже во время Октябрьской Революции "Заря Свободы" была
отправлена в Морской Канал для обстрела банд Керенского в
Краснога на случай их приближения к Петрограду.

Виктор Иванович Дешевый вступал на митингах на Икорной
площади, писал статьи в редактировавшемся мною и Петром Ива-
новичем Смирновым органе Кронштадтского Комитета "Голос Пра-
ды", вел занятия с рабочими и матросами Кронштадта.

Петр Иванович Смирнов, студент политехнического института
с большим увлечением целиком ушел в литературную работу, про-
матривал поступающий материал, писал статьи, следил за тех-
нической стороной нашей газеты.

Иван Петрович Шероковский принимал близкое участие в рабо-
тах партийного комитета посещал заседания Кронштадтского Со-
вета, наряду с другими товарищами руководил деятельностью
большевистской фракции совета, вел пропагандистскую работу,
читал лекции.

Энтин являлся митинговым агитатором, выпускавшимся Крон-
штадтским комитетом в большинстве тех обычных случаев, ко

1.482

требовалось участие нашей партии; в результате частых выступлений он хорошо напрактиковался в полемике с меньшевиками и буржуйскими. Кроме того т.Этин сотрудничал в газете, где одновременно он вел отдел "Обзора печати".

Для довершения нашей тесной, дружеской компании в этот вечер не доставало только Семена Григорьевича Ровалы, первоклассного издательского агитатора, популярного среди фронтенцев. За нашими разговорами мы засиделись глубоко за полночь, когда, наконец, было решено разойтись, то я отъезжая на пароход "Освободитель" /бывший "Ринда"/, где я официально числился захтенным начальником.

Оказалось, во время моего тюремного сидения команда выбрала меня старшим офицером. Разумеется это было только знаком сочувствия т.к. ввиду перегруженности политической работой, я физически не имел возможности служить на корабле ни в той, ни в другой должности.

Тяжелая компания, при старом режиме служившая недосыгаемым, быстро наполнялась членами судового комитета и другими моряками из состава команды "Освободителя", заставившими меня еще долгое время рассказывать тюремные впечатления и делиться своими взглядами на политический момент.

Переочевав на "Освободителе", я на следующее утро на катере в обществе того-же неразлучного Пелехова вернулся в Петроград.

Когда мы приехали в Смольный, заседание с"езда советов Северной Области было в полном разгаре.

Меньшевики и эс-эры, убедившись, что решающее большинство не на их стороне, только-что ушли со с"езда.

Эта была генеральная репетиция той предательской тактики, которую дзюмя неделями позже они приманили на Всероссийском с"езде Советов. Но этот уход меньшевиков и эс-эров со сцены истории, где они в течение всего первого периода революции играли такую жалкую и постыдную роль.

На трибуне был тов. Дашевич.

Зычным, раскатистым голосом хорошего соборного протодьякона с энергичной жестикуляцией, он провозносил суровые слова осуждения изменникам революции.

Это звучало, как анафема.

Наконец, взял слово председатель съезда товарищ Троцкий.

С обычной манерой прохаживаясь по сцене, то опираясь одной рукой на пюпитр, то далеко отходя от него, Лев Давидович провознес свою речь с огромным подъемом. То сгибая колени и несколько приседая, словно в мучительных усилиях выдегируя с корнем какое-то символическое зло, то гневно, во весь рост выпрямляясь и резко опуская вниз руки словно бросая на чашку весов тяжелые гирь он подвел итоги утраченному режиму Черенского и связанным с ним своей судьбу партиям меньшевиков и эсеров.

С особенным вниманием т. Троцкий останавливался на Корниловской авантюре и на участии Черенского в этом поворном деле несуществвавшегося заговора против революции.

Безоценно пельмуя соглашателей он тщательно подчеркивал говоря о партии социалистов-революционеров, он имеет ввиду только эсеров правого крыла, тем самым выделяя левых эсеров, как-раз в этот день окончательно отколовшихся от Черноаской лагеря и временно ставших в ряды наших полутчигов.

Вскоре после речи т. Троцкого был объявлен перерыв.

Я воспользовался им для того, чтобы сходить в министерство юстиции. Еще в тюрьме я обещал т. Рокалю, что выясню причины его задержания, тем более непонятные, что против него было меньше улик, чем против меня..

Ровнекая оказавшаяся на Екатерининской улице министерство юстиции, я вошел в большую приемную типичного бюрократическо-ко вида, с разставленными вдоль стен стульями, на которых восседали однообразные, понурого вида, просители и халдаты.

У противоположной от входа двери стоял принасаженный молодой человек, с бумагой в руках, что-то записывая.

Это был секретарь министра, присяжный поверенный Данчик.

ЗНЖ (474)

Я не торопясь подошел к нему и заявил, что мне нужно видеть министра Малайтовича.

"Будьте добры сказать Вашу фамилию" - спросил меня нахмуренный блондин, изображая на своем лице заранее приготовленную для каждого посетителя угодлившую улыбку.

"Имя фамилия-Раскольников." и начал неслышай отвечать.

Улыбка на лице Данчича сменилась изумлением.

"Вы-Раскольников Кронштадтский?" с пытливым любопытством, смотря мне прямо в глаза, спросил он.

"Я подтвердил, что до ареста работал в Кронштадте.

"А Вы по какому делу хотите видеть министра?" - снова испытующе спросил Данчич.

"Об этом я сообщу самому министру", оборвал я нашу несколько затянувшуюся беседу.

Данчич записал меня в очередь и попросил подождать.

Едва-ли есть в жизни что-либо скучнее ожидания. Еще в приемной врача или дантиста эти мучительные минуты сглаживаются разложенной на столиках литературой. Но здесь кроме стульчиков расставленных по стенам и придававших всей комнате неприятный вид пустого сарая, ничего развлекающего не было.

С улицы вошел мальчик лет десяти, в неуклюжем топорщившемся воевбой шинели и обливаясь слезами, всхлипывая наизусть и рассказывая грустную семейную повесть: его отец убит на войне, он сам только что вернулся с фронта и узнал, что его мать умирает в материальной нужде. Он был уже у Керенского, но не нашел там сочувствия и помощи.

В поисках правды и справедливости он пришел теперь к министру юстиции.

Но Данчич отправил его в какое-то другое бюрократическое учреждение и убитый горем мальчик, размазывая слезы по лицу с безучастным и безнадежным видом вынул в коридор.

Прождав около двух часов, я, наконец, был приглашен в кабинет Малайтовича.

1475
В тюрьме Лев Давыдович рассказывал мне о нем, как о бывшем большевике, когда-то охотно предоставлявшем в своей московской квартире убежище нелегальным партийным работникам.

Теперь, присяжанный поверенный Чалантович в качестве меньшевика состоял "министром-социалистом" в правительстве Керенского.

Едва я перешагнул порог солидного, но темного и мрачного кабинета, вставленного толстыми юридическими словариками, Чалантович вежливо поднялся мне навстречу и протянув руку, предложил сесть.

"Чем могу служить?" - скорее с адвокатской, чем с министерской манерностью задан он мне вопрос.

Я оговорился, что пришел не с просьбой, а только за выяснением одного непонятного мне факта: почему задерживается в тюрьме Ромаша в то время, как я на свободе?

Я указал, что мы оба привлечены по одному делу: 3-5 июля. И нет оснований ставить меня в более привилегированное положение.

Я подчеркнул, что моя товарищица по руководству демонстрацией, в том числе и Ромаша, просила меня, как военного человека взять на себя командование частями Петрограда, что я и сделал. Поэтому, на мне лежит большая ответственность чем на других товарищах-фронтовиках. Наконец, сверх того, я состоял командантом дома Клевинской и ввел военную силу, тогда как Ромаша такое обвинение предъявлено быть не может.

Чалантович оставив на меня свои живые много видевшие на своем веку глаза и поглаживая сидящую шею ответил мне вавешивая слова неторопливо, что на основании показаний у временного правительства создалось убеждение, что я не уклонюсь от суда, тогда как относительно Ромаша-"у нас- подчеркнул министр-такой уверенности нет."

Я заявил, что это соображение опровергается фактом добровольной явки т. Ромаша в "Кресты". Министр мягким жестом раз-

270 (1476)

своими руками и снова повторил свою последнюю фразу.

Узнав, что т. Росаль освобожден не будет и поняв, что он, являвшийся купцом для буржуазии должен явиться козлом отпущения я счел свою миссию законченной и распрощался с министром юстиции.

Когда я вышел от Малютовича, уже смерклось. Я отправился в Смольный на вечернее заседание съезда.

Но в одном из длинных коридоров Смольного я встретился с Львом Борисовичем Каменевым.

- "Вот кто поедет вместо меня - Раскольников," стремительно схватывая меня за рукав и широко улыбаясь проговорил Каменев обступившим его какими-то военными.

Но, товарищи ответив, что это, конечно, хорошо, продолжали настаивать, чтобы кроме того приехал Каменев, так как химиком уже объявлено об его выступлении и даже напечатаны афиши.

Лев Борисович пытался освободить себя от этой поездки и угрожая тем или иным, что я могу его заменить, однако представители химиков были неумолимы.

Делать нечего, Льву Борисовичу пришлось подчиниться.

- "Хорошо, сказал он, только подождите минуту, мне нужно еще кое с кем переговорить."

Ескоре он возвратился захватив с собой в автомобиль Сергея Яковлевича Багдатьяна мы поехали в запасный огнеметно-химический батальон.

Багдатьян, как и я, стоял на Ленинской платформе и поддерживал идею немедленного выступления. Между нами, с одной стороны и Львом Борисовичем, с другой, тотчас загорелся спор. Указывая на недостаточную организованность рабочего класса, которому противопоставлена сплоченная сила юнкеров и казачества, Каменев высказывал опасения, что Петроградский гарнизон, вообще не настроенный воинственно по всей вероятности займет позицию нейтралитета. Отсюда, т. Каменев делал вывод, что революция имеет

1.477

мало шансов на успех, тем более, что Керенский всегда может найти себе опору на фронте среди верных вражьиному правительству частей.

Вообще, чувствовалось, что вследствие переоценки сил противника Льву Борисовичу не достает веры в победу пролетарской революции.

Проехав на Петербургскую сторону, мы прошли в какой-то боковой переулок.

Он был посередине устроен скамейками, уже занятыми химиками, солдатами соседских полков и рабочими. За недостатком мест многие стояли. Мы вошли на импровизированную вечернюю домашнюю сцену, посредине которой возвышался стол.

Т. Давыдов сперва предложил выступить мне.

Я начал с того, что только вчера передо мной раскрылись — железные двери тюрьмы.

Обрисовав всю вопиющую возмутительность нашего дела мошеннические проделки царских следователей и прокуроров, заволокущих притянувших к нашему политическому делу, спекулянтские и шлюпские и никому неизвестные подвиги граждански Суменсон, деяния сомнительного украинского деятеля скорописца Нолтуховского показания раскаявшегося немецкого шпиониз агента Ермоленко я затем перешел к общей критике политического режима Керенского.

Закончил я свою речь теми-же словами, как в Кронштадте, на престоле, т.е. прямым призывом к восстанию.

Уже с первых слов моей речи, я почувствовал между собой и аудиторией тесный контакт, самое близкое взаимодействие. Моя речь находила отклик у слушателей, настроения слушателей в свою очередь влияло на меня. Поэтому тон речи непрерывно повышался, а резкость ее выводов все нарастала.

Я был поражен боевым революционно-нетерпеливым настроением митинга. Чувствовалось, что среди этих тысяч солдат и рабочих каждый из них в любую минуту готов выйти на улицу с оружием в

1478

руках.

Их бурные переживания, их kloкочущая ненависть против временного правительства меньше всего склоняли к пассивности.

Только в Кронштадте, накануне июльского выступления я наблюдал копение задушающих действий революционных страстей.

Этот факт еще больше укрепил мое наблюдение и глубокое внутреннее убеждение, что дело пролетарской революции стоит на твердом пути.

После меня выступил т. Таманев.

Тонус моей речи его обижал. Он сразу начал говорить очень горячо. Резкость всего его выступления содала его речи больша успех.

Со стороны по его словам трудно было предположить, что в действительности, он являлся противником немедленного восстания.

Напротив, брызги революционного огня так и искрились в его звучных, пламенных словах.

Из всей его критики, из всей оценки положения, логически вытекал вывод о неизбежности и целесообразности немедленной острой борьбы. Слушателям оставалось лишь поставить точки над и своими подлинно-революционными по характеру и по настроению речами т. Таманев оказал пышную услугу пролетарской революции, перед величиной которой маркнет его теоретическое заблуждение ставившее его в ряды "умеренных" членов нашей партии.

Конечно, если-бы тактика т. т. Зиновьева и Таманева была в то время принята Центральным Комитетом, благоприятный момент был-бы упущен и торжество пролетарской революции в России могло быть отсрочено на долгие годы.

Но обстоятельства были сильнее людей, и даже сторонники более осторожной политики, были вынуждены провозносить крайние речи и тем фактически лить воду на мельницу немедленной революции. Наконец, независимо от субъективных настроений, к этому обязывала партийная дисциплина.

Прямо с митинга я пошел на ночевку на Выборгскую сторону,

353 (1479)

Где жила моя мать.

На утро 13 Октября, я явился в Центральный Комитет помещаясь в то время на барствено-тихой фурштатской улице.

После больших комнат, сверху по ряду заставленных связанными тисками литературы, я спустился на несколько ступенек вниз и пройдя по коридору в небольшой комнате налево нашел Якова Михайловича Свердлова.

Он встретил меня с тем органическим, внутренним доброжелательством, которое вообще свойственно многим старым партийным работникам познавшим ценность товарищеского общения в тюрьме, в ссылке, на каторге. Не теряя времени, Яков Михайлович с меня в карьер ввел меня в курс деловых вопросов. Основываясь прежде всего с последними решениями Цекя, т.Свердлов пояснил мне, что вся работа партии сейчас заостряется на подготовке свержения временного правительства.

"Конечно, в Кропштадте Вам делать нечего; там уже все хорошо подготовлено, - тоном недопускающим возражения, пробасил т.Свердлов, душа на снятое пенсне и протирая его носовым платком, - а вот Вам придется немедленно поехать в Лугу - там не все благополучно".

И т.Свердлов обрисовал мне положение Луги где совет находится в руках соглашателей и где наблюдается подтягивание войск, переданных временному правительству. Т.Свердлов подчеркнул выдающееся стратегическое значение Луги, как крупнейшего промежуточного пункта на магистрали Петроград-фронт.

Нужно было произвести глубокую разведку относительно нас троения Лужского гарнизона и создать в нем благоприятную для нас атмосферу.

Едва мы успели в общих чертах закончить наш разговор, как в комнату вошла группа руководителей Новгородского партийного комитета, во главе с Михаилом Григорьевичем Рошалею, братом Семена.

Товарищи заявили, что на-днях у них состоится губернский

254 (1480)

с"езд советов на котором необходимо присутствие оратора "из центра".

"Вот, дайте нам Раскольников", - потребовали они.

Яков Михайлович сперва соглашался, что у меня есть другая работа, но потом после минутного раздумья уступил, однако под тем условием, что я не задернусь в Новгороде и во всяком случае оттуда поеду в Лугу.

Новгородские товарищи, условившись со мною о времени отъезда и закупив литературу, удалились.

Вслед за ними вышел и я.

Мне еще нужно было повидать Семена Ромалю, чтобы рассказать ему как о политическом положении, так и о его личной участи.

Я прошел в "Хресты". Меня провели в кабинет начальника тюрьмы. В этой должности состоял длинноусый прапорщик, член партии эсеров, которого заключенные определенно поговаривали в хвост и в гриву в злоупотреблениях.

По крайней мере, несмотря на октябрьские холода, он держал камеры без отопления и кормил тюрьму такой вонючей пищей, запах которой вызывал тошноту даже у голодного человека.

В этот период, начальник тюрьмы, учитывая рост политического влияния большевиков, самым безстыдным образом заискивал перед нами.

Надев на свое подлохотое и плутоватое лицо маску приторной любезности, он позвал Ромалю в свой кабинет, хотя обычно свидания давались в особой комнате через двойную решетку.

Чело того. Он предупредительно вышел из кабинета, оставив нас наедине.

Это, конечно сильно облегчило мне передачу Семену секретных сведений. Он казался удрученным и даже заикнулся о самоубийстве мысль о котором приходит ему в голову.

За эту пару дней он сильно пал духом.

Я посвятил его в партийные дела, ознакомил с последними

215 (481)

демократическими постановлениями поделился своими впечатлениями и наблюдениями, высказал ему мой оптимистический взгляд на ближайшие перспективы.

Семенов, в духовном настроении которого настроение, вообще, играла крупную роль, заметно поощрялся.

Рассуждая о его личной судьбе, я не скрывал от Семенова, что ему придется быть козлом отпущения, но убеждал его, что пролетарская революция в самом скором времени принесет ему освобождение.

Эти слова оказались пророческими.

25 октября, с первым залпом "Авроры" Семенов вышел на свободу и тотчас с головой ушел в кипучую боевую деятельность, активного революционера, которая, однако, вскоре практически оборвалась его разстрелом на Румынском фронте.

Из Крестов я двинулся в Смольный, на заседание Бюро Совета Северной Области членом которого я оказался выбран на заключительном заседании вышеописанного съезда.

Перед заседанием ко мне подошел Шлипповский, инженер-механик флота, бывший эс-эр, по сравнению с другими производивший приятное впечатление, но совершенно неожиданно выдвинувшись на роль одного из руководителей Петроградского Совета и его Исполнительного Комитета.

Шлипповский стал уговаривать меня, как Кронштадта, согласиться на снятие тяжелой артиллерии с форта "Обручев" ввиду того, что стратегические соображения требуют их установки на Морской тыловой позиции.

Я дал отрицательный ответ, сославшись на то, что частичное разоружение Кронштадта в данный момент приобретает политический характер и не без основания может быть истолковано самими, как контр-революционный маневр временного правительства.

Другие Кронштадтцы: Иван Петрович Меровский и Людмила Сталь меня горячо поддерживали.

316 (1.482)

Филипповский? пробовал возражать.

Покончив этот бесплодный спор, я перешел к яталу, где сидели члены Бюро Советов Северной Области: т. т. Крыленко, Бреслав и другие.

Первым стоял вопрос о выборах президиума Бюро. На должность председателя были выдвинуты две кандидатуры:

т. Крыленко и моя. Но Николай Заспльевич категорически отказался ввиду крайнего обременения работой, таким образом, был избран.

Нам предстояло распределить районные работы между отдельными членами Бюро. Я заявил, что Цекя партии уже командировал в немедленную поездку в Новгород и Лугу, - Бюро советов со своей стороны возложило на меня поручения по части обследования и инструктирования местных советских органов.

~~На другой день я вместе с Рохалем /младшим/ и другими товарищами выехал в Новгородскую командировку.~~

Заседание продолжалось очень надолго и все несложные вопросы стоявшие на повестке скоро были исчерпаны.

На другой день я вместе с Рохалем /младшим/ и другими товарищами выехал в Новгородскую командировку.

Утром в воскресенье мы доехали до Новгорода.

Сойдя с поезда мы направились в большевистскую команду, где жили вместе Цехал Рохаль и другие члены Новгородского Комитета.

Там я застал одного солдата-большевика, только-что приехавшего из Старой Руссы. Таким образом мне удалось получить сведения о партизанской работе в обоих городах.

В общем, картина была одна и та же. Симпатии подавляющего большинства солдат и рабочих определенно склонялись в нашу сторону; офицерство и буржуазия вместе со своим классовым апологетом интеллигенции были настроены контр-революционно, в пользу временного правительства; за пределами городской

среди крестьян-работа велась очень слабо.

Все сведения о партизанской работе, о численности организации, Красногвардии, о настроениях частей Новгородского гарнизона о количестве воиск, готовых с оружием в руках выступить за временное правительство и против него - все это я тщательно заносил на страницы особой записной книжки.

Товарищи решили не терять времени и в тот же день устроить митинг запасного пехотного полка, стоявшего в городе.

Для созыва митинга мы направились в казармы. Там было гудно, душно, пахло кислыми цами. На неопрятных деревянных нарах обещали солдаты. Тов. Росаль пошел разыскивать членов полкового комитета.

Через несколько минут он сообщил, что митинг состоится на воздухе.

Мы вышли на двор и прошли на прилегающую к казармам площадь. Здесь возвышалась небольшая, видимо когда-то наспех сколоченная трибуна.

К нашему приходу на площади еще не было ни души.

Но вскоре, очевидно, по зову или сигналу, группами и поодиночке стали сбегаться солдаты. Их набралось несколько сот.

Для одного полка это было достаточно. Почти все свободные от работ и служб стеклись послушать большевистских ораторов.

Я поднялся на трибуну и стал говорить.

Аудитория слушала внимательно, но без особенного пыла. Только когда я перешел к вопросу о войне и мира, вопросу, живом волногазному чувства в поминки каждого крестьянина в серой солдатской шинели, слушатели насторожились и на их лицах тотчас отразилось глубокое внутреннее переживание этой больной темы. Как Дамоклов меч висевшая над головой каждого из них опасность внезапной отправки на фронт и естественное, здоровое отвращение к чудовищной империалистической войне создавали благоприятную почву для восприятия анти-милитаристических идей. Это настроение не было голым шкурничеством, как обяс-

шила себе успех большевистской пропаганды вся буржуазная печать.

Эгоистичными, своекорыстными инкурниками могут быть отдельные лица, но никак не огромные массы, вовлеченные в грядущую революцию движенье.

После меня выступило несколько местных работников. В общем, удалось разъяснить положение и подлинные настроения солдат. Чувствовалось, что если эта часть и не проявит большого энтузиазма в борьбе, то, во всяком случае, на нее можно положиться.

Здесь митинг продолжался немногим более часа.

На другой день мне пришлось побывать на митинге казале-ристов гусарского полка. Он был расквартирован за городом. На грузовом автомобиле, по плохой, ухабистой давно не отремонтированной, размытой дороге мы приехали в этот полк. В ожидании, пока товарищи соберутся на митинг, председатель полкового комитета пригласил нас в офицерское собрание; мы охотно согласились, ввиду того, что порядочно проголодались.

В офицерском собрании все дышало специфическим ароматом старого режима. На окнах висели чистые и аккуратно занавески; столы были накрыты белоснежными прокрахмаленными скатертями, за ними сидели туго затянутые в корсеты ротмистры и корнеты в ретузах и кителях с погонами. Двядцно сервированную закуску подавали изысканно одетые официанты.

Мне, петроградцу показался необычайно странным этот хорошо сохранившийся уголок старого мира. Дух революции казалось не проникал за эти кружевные оконные занавески и тяжелые драп-ры на дверях.

Только наша компания своим оживленным и безцеремонным поведением своим демократическим видом, казалось внесла диссонанс и грубо разрушила иллюзию старого режима, которая старательно культивировалась в этих уютных, словно вылизанных языком комбатах.

1485

дожила на себя доселе, недоброжелательные взгляды соседних
столов.

Законца, мимо нас, лихо погнывая бедра, походкой самоуверенного глупца, прошёл какой-то зверец в офицерской форме, с фантастически-широкими, как на парне, репузави.

Ихман Рохаль, как вольноопределяющийся был одет в военную форму.

При виде зверца в золотых погонах он на чувства дисциплины не поднялся со своего стула.

Но офицерик этим не удовлетворился.

По военному развернувшись на месте, он шперил свои безразличные налившиеся злостью глаза в лицо Рохалья и привычной интонацией, как в течение долгих лет в казарме и на плацу неустово возопил: "Вольноопределяющийся, как ЭНС сивате, стоя перед офицером, держать руки в карманах? И ЭНС являю научу дисциплины и т.д.

И поспешили вмешаться и прекратить безобразную сцену, напоминая зарвавшегося офицеру, что миновали дни старого режима и слава Богу революция. Он как-то сразу притих, но отходя к группе своих золотопогонных друзей, он еще долго высказывал гневное возмущение святоотечественным потрясением самых основ военной дисциплины.

И решил об этом рецидиве офицерского самодурства довести до сведения солдатской массы.

Зскоре нас пригласили в полковой театр, где должен был состоять митинг.

Это был совершенно отдельный, огромный сарай, со сценой в длинными рядами скамеек.

Зал был наполнен солдатами. Товарищи предоставили мне слово. Я говорил довольно долго около двух часов. Охарактеризовав весь режим Керенского, я особым вниманием остановился на деле Корнилова и подробно осветил двусмысленную роль Керенского во всей этой эпопее. Солдатская масса заброшенная в захолустье

полка, повидимому, не была избалована званиями Новгородских
раторов.

С изумительным интересом они внимали каждому слову, упо-
минание о некоторых общественных явилось для них свежей но-
востью, едва-ль не сенсацией, а разоблачение участия Керен-
ского в контр-революционном заговоре Корнилова, которого он
не трусости предал на полпути, явилось для публики неождан-
ным откровением и вызвало необычайно возбужденное против вре-
менного правительства и страстные выкрики по адресу Керенско-
го: "Позор предателю революции."

После меня выступили Новгородские товарищи.

Атмосфера собрания накалилась до высшего предела.

Редко мне приходилось видеть в равной степени сильный
подъем, страстное воодушевление и наистроумную политическую не-
уважительность. Не было сомнения, что люди охваченные таким ягучим
энтузиазмом, готовы идти в бой и погибнуть либо победить в
борьбе с ненавистным временным правительством.

И неопытный радости Новгородской организации, кавале-
риеский полк по своему настроению неожиданно оказался не толь-
ко вполне на высоте, но еще опорной пролетарской революцией,
чем другие эрмеевские части, стоявшие в городе.

Впрочем относительно последних так-за не было ни сом-
нения, ни подозрения.

Со стороны всего Новгородского гарнизона наша партия
могла ожидать только поддержку.

Добрытно, что на обоих митингах мы не встретили оппози-
ции: меньшевики и эсеры сочли за благо не появляться на три-
буне.

По окончании политических речей я снова взял слово и со-
общил о факте "цукания" в офицерском собрании.

Это произвело большое волнение.

Солдаты повскакивали с мест и размахивая кулаками, воз-
бужденно крича приготовились идти в офицерское собрание, чт

487

ны покарать виновного.

С большим трудом удалось успокоить товарищей и отговорить их от самосуда над сторожником царской дисциплины.

Когда мы на грузовике возвращались в Новгород, идущие с митинга кавалеристы радостно приветствовали нас с уражками.

На следующий день, в Новгороде открылся губернский съезд советов.

Председателем съезда был избран приехавший из Петрограда "новоземленец" А.И. Шинкавич автор популярно-научных работ по растениеводению.

Большевистская фракция выдвигала в председатели мою кандидатуру, но большинство съезда оказалось не на нашей стороне, получив по числу голосов второе место, я вошел в президиум в качестве товарища председателя.

Выборы председателем "новоземленца" чрезвычайно ярко обличают физиономию съезда.

Здесь в большом количестве были представлены крестьяне делегаты различных уездных и волостных советов.

Рабочий класс, сравнительно вообще немногочисленный губернии, был представлен слабо.

Солдатские делегаты съезда в своем подавляющем большинстве так же составляли бывших крестьян.

В этом отношении Новгородский губернский съезд являлся довольно типичным для настроения крестьян предоктябрьского периода.

Меньшевизм и всерьез питавшие и поддерживавшие временное правительство к тому времени окончательно обанкротилось. Вопрос о земле, ягуче волновавший всех крестьян бывшей Российской империи был отложен до Учредительного Собрания, а Учредительное Собрание в свою очередь отложено на неопределенное время.

Между тем неодолимое стремление к увеличению земельных наделов, старанная забота "земли", страстное но не смелое возжелание раздела помещичьих и казенных земель было в сеобщей за-

10/14/88

тно? «что? крестьянской массы.

Для научно-статистической деятельности занимавшая сельско-хозяйственными обследованиями и вычислениями министра земледелия Чернова внушала крестьянам чувства разочарования и гнетущего острого недовольства

Это безплодное топтание на месте вразумительного призыва его боязнь прикоснуться к решению аграрной проблемы рудили крестьянские надежды, настроивал на оптимистический лад.

Но, с другой стороны крестьянское сарказмическое, органически чуждалось рабочего класса, инстинктивно страшилось «революции», непримиримой тактики его политической партии, бегло и неуверенно спасалось национализацией мелкой и средней земельной собственности, ущерба своих интересов.

Поэтому за исключением пауперов безлошадных и малоимущественных бедняков, и, наконец представителей сельскохозяйственного пролетариата-батраков-деревня, в то время не выражала симпатии к большевикам и в общем случае не тяготела к партии рабочего класса.

Естественно, что для воплощения этих настроений больше всего оказывались пригодны межучастные группировки «новоземленцев» и левых эсеров..

И в самом деле, среди крестьян губернии они пользовались влиянием и придавали всему с «ведомо» определенный колорит.

После докладов с мест, довольно полно нарисовавших батрацкую картину разрухи в губернии, началась политическая борьба.

Доклад по текущему моменту был сделан мною. В прениях участвовали: Плякевич, левый эсер, Ромы и другие.

Плякевич вообще производил очень приличное впечатление, подмигивая мягко. Возражая против нашей тактики, особенно порицал нас, большевиков за подготовку свержения временного правительства, угрожающего гражданской войной.

Отвечая ему в приподнятом духе, я закончил свои возра-

жения по существу восклицанием: "Да здравствует голландская
воля".

Лидер Новгородских левых эсеров полностью определялся Роми,
свои выступления заостряя против политики временного правитель-
ства и тщательно воздерживаясь от выпадов в сторону большеви-
ков. Левые эсеры в то время выравнивали свои взгляды глядя на
нас и сознательно забегали разногласия.

Правые эсеры и меньшевики, представлявшие в ничтожной про-
порции, решительно ничем себя не проявили.

С"езд продолжался всего два дня. Перед его закрытием сос-
тоялись выборы на второй Всероссийский с"езд Советов. Во время
предварительного заседания большевистской фракции, товарищи
выдвинули мою кандидатуру, в делегаты с"езда, но я отказался,
предложив выбрать Новгородских работников.

На выборах на Всероссийский с"езд наша партия получила
вполне приличное меньшинство. Мы составляли примерно одну трет-
ью Новгородской делегации. Но совместно с левыми эсерами, вероят-
но добрая половина голосов была обеспечена за нами.

Однако, левые эсеры в то время были формально об"единены
с правыми под эгидой общего центрального комитета и это упор-
ное нежелание раз навсегда порвать с правыми эсерами и выкри-
стал изоваться в самостоятельную партию, в связи с их безпре-
ступными колебаниями, внушало нам серьезные опасения в надеж-
ности этих союзников в которых мы всегда видели только времен-
ных мелко-буржуазных попутчиков.

В таких условиях точный подсчет наших сил затруднился и
по возвращении в Петроград я считал более осторожным доложить
своему партийному начальству, что Новгородская губерния будет
представлена на с"езде Советов в большинстве чуждыми нам пар-
тиями, однако со значительным процентом делегатов-большевиков.

На следующий день после окончания с"езда, поздно вечером
я выехал в Петроград. Поезд шел из Старой Руссы и был перепол-
нен пассажирами. Мне удалось втиснуться в первый попавшийся

вагон класса 2 в страшной давке торчать наглобалде. Затем, постепенно, по мере разгрузки вагона от выходящих на промежуточных станциях пассажиров, я протиснулся в коридор и, наконец, занял освободившееся место на верхней скамейке, где в сидячем положении провел всю ночь.

Приехав в Петроград рано утром, я решил в тот-же день выехать в Лугу, а поэтому, не теряя времени-прямо с вокзала пошел для доклада к т.Троцкому.

Лев Давыдович жил тогда на Цесках, вблизи Геврмического сада. Ввиду раннего часа, он был еще в постели. Меня встретила его жена Дяталья Ивановна и сказав, что Лев Давыдович еще спит, так как у него только под утро окончилось заседание попросила меня подождать в перел., комнате. Через минуту она вернулась и сообщила, что Лев Давыдович проснулся и просит меня зайти в спальню. Случившиеся шоры, не могли задержать и сделать непроницаемым яркий свет осеннего солнечного утра.

Поэтому несмотря на полумрак все предметы в комнате очертились довольно резко.

Лев Давыдович лежал на спине накрывшись простыней и заложил руки под голову.

Он приветствовал меня дружеской улыбкой и крепким рукопожатием.

Я сел на стул около низкой оттоманки, служившей ему постелью и приступил к рассказу о Новгородской поездке. Тов. Троцкий с большим вниманием и интересом выслушал мои провинциальные наблюдения.

Я заметил, что Лев Давыдович настроен оптимистически и рассчитывал, что на предстоящем Всероссийском съезде наша партия получит большинство. Он сообщил мне, что как председатель Бюро Советов Северной Области, я должен войти в состав военно-революционного комитета. Однако, последующие события, целиком захватить меня, ни разу не дали мне возможности участвовать на заседаниях комитета.

исключение нашей беседы Де в давидович дружеский образом дал мне предостерегающий совет сославшись на проманическую историю на одном из петербургских митингов; следующую фразу: "Зрелищное правительство пред"явило мне обвинения в участии в вооруженном возмущении."

Я отозвал это обвинение, ибо 3-5 июня никакого возмущения не было.

Но сейчас я призываю вас возмущаться и осердиться временное правительство," Лев давидович несколько раз повторил по существу только прибавил: "Здесь в Петрограде положение очень delicate. Временное правительство никого не смеет арестовать. Тут дерзнуть за ниточку-всю ткань распускать придется. Но в провинции дело другое. Там всегда могут предаться и посадить."

Законца, т.Троцкий обнаружил заботу лично обо мне, предложил получить в Петроградском Совете причитающиеся мне командировочные.

Я поблагодарил, но отказался. Лев давидович настаивал но я все-таки за деньгами не пошел, т.к. тутешие расходы были ничтожны, а на местах партийные товарищи предоставляли помеще-ние и кормили бесплатно.

От т.Троцкого я поехал на Заршавский вокзал. Я сел в ка-биночку-то вагон четвертого класса с закрытыми окнами. Поезд шел в Псков, но пассажиров было сравнительно немного: большей частью это были солдаты, возвращавшиеся с побывки на фронт. Я залез на верхнюю полку и подложил под голову китель и фуражку крепко заснул, вознаграждая себя за бессонную ночь.

Зачем же были в Луге.

Со мной с поездом, я прежде всего направился в местный Совет Коммунализации в здании вокзала.

В небольшом стандартной комнате сидели за столом члены Президиума Совета: военные врачи и офицеры; все были в форменных кителях с блестящими погонами. Когда они узнали, что я

121 (с. 493)
пытался слабеть мою критику, временного правительства, нашей
неиспособности в данных объективных условиях улучшить положение
вещей. "Если партия большевиков, - говорил Кузьмин, - возьмет
власть в свои руки, то удастся-ли ей заключить мир с Германией
и прекратить экономическую равруху? Я отвечаю-нет. Вся его за-
дача временного правительства была вялой. Повидимому, он сам
чувствовал неизбежность перехода власти в руки большевиков.
После Кузьмина взял слово какой-то неведомый мне моряк, кото-
рый стуча кулаком по груди, истерически высказывал отдельные
бессвязные фразы.

Я сам был на острове Эвеле..... Я подвергался налету гер-
манскими аэропланов..... Я бежал из немецкого плена.....
И т.д. и т.д.

Из краткого повествования о своих личных военных передрягах,
он совершенно нелогично делал оборонческий вывод о необходимос-
ти продолжения "войны до конца", "войны до полной победы над
Германией".

Впрочем вубодробительно-повиннистический характер речи моряка
оборонца не помешал ему на следующий день подойти ко мне и
повести разговор в дружественных тонах.

После кровозадного оборонца я вторично потребовал слова. В
этой заключительной речи я дал ответь обоим ораторам согла-
сительского толка.

Мне больше всего поразило то, что враждебная аудитория Ду-
ского Совета хранило флегматичное молчание. Даже в самых "боль-
шевистских" местах моей речи, когда приходилось остро ставить
самые большие, самые злободневные вопросы, никто не пытался
перебить мою речь, или вставить злобную ядовитую, реплику.
Это настроение удрученности, отсутствие шабоса борьбы, близ-
кое к отчаянию недоверие к своим силам резко бросалась в гла-
за у наших противников.

В то время, как сочувствовавшая нам аудитория повсюду шумно
и страстно выражала свои политические чувства, враждебные нам
элементы

...то притякли и даже на своих собраниях, где у них было абсолютное большинство, они предпочитали отмалчиваться. Конечно, говорить не об отдельных лидерах, соглашательских партиях, провозглашавших при всех обстоятельствах тянуть одну и ту же нитку, а об эсеровских и меньшевистских массовиках, чувствовавших дутье бурных вихрей впереди надвигающейся бури. В их рядах ощущался болезненный упадок духа, препятствовавший бурному выражению их несогласия с речами ораторов-большевиков. Зал заседаний и смерти стоял в зале, где подавляющее большинство скамей было занято эсерами и меньшевиками, моя речь звучала в мольбно-тишине, как надгробная эпитафия над этими партиями, доживавшими свои последние дни.

Воркоченая и обделанная Лужских единомышленников, я на другое утро в их сопровождении доехал на окраину города, где была расквартирована артиллерия. "На войне, как на войне" В ожидании боя митинга ч. уединившись с большевиками руководителями этой части пришлось заносить сведения о количестве вооружения, о соотношении сил, о настроении солдат.

Мы готовились к серьезному решительному бою, поэтому крайне волновались в подсчете собственных сил и в точном выяснении численности состава и вооружения, находящего в распоряжении временного правительства.

Вскоре нас пригласили на митинг. В большом деревянном сарае все скамейки были усеяны одетыми в "жаки" солдатами. Многие из них из-за недостатка мест стояли сваями, в проходах и по бокам, у низких дверей.

Митинг открыл тотчас же флегматичный эсер Кузьмин, устным докладом сделавший краткий доклад о "текущем моменте". После окончания его сообщения раздались аплодисменты. Затем выступил я. Настроение аудитории было бурным. До крайней меры, когда сидевшие на трибуне члены солдатского комитета-эсери невольно определялись попробовали перебить мою речь враждебными ремарками с места, то аудитория так недоброжелательно как оторнула, что

тисл от
 од еона
 ен асва
 п хина
 ждефво
 'отас х
 ту шинан
 ? 5 бво
 лж 5 а
 эн и
 з леиод
 .ан
 внаэро
 окта
 внасо
 чьтам
 ладн
 лнаэно
 олдсот
 и хсн
 ооо этс
 котад
 и ави
 ка
 штатс
 етс
 бсн
 шадс
 ос
 и
 удс
 и
 от

они были вынуждены замолчать.
 Ясно замечалось непримиримое расхождение между "комитетчиками" почти сплошь состоявшими из соглашателей и широкой солдатской массой, уже начинавшей безраздельно отдавать свои симпатии большевикам.

Когда "комитетчики"-эсеры задали мне вопрос: "На какой день Врм партия назначила переворот?", то я ответил, что дня и часа революции никто предсказать не может. Я продел параллель с февральской революцией, относительно которой также было нельзя с уверенностью сказать в какой именно день она разразится, между тем как даже обыватели чувствовали ее неминуемое приближение. Точно также сейчас, уверенность в неизбежном падении временного правительства носится в воздухе, но никто не может точно предсказать дату этого радостного события.

Прямота, и откровенность, с которой мы, большевики, ставили вопросы о близком перевороте чрезвычайно привлекали сочувствие солдат.

Оратором-большевиком после каждой их речи устраивались шумные овации. Настроение аудитории, без всяких сомнений было всецело на стороне нашей партии.

Эсеры попытались вселить аудитории недоверие и подозрительность на мой счет, задав мне вопрос о цели моего приезда в Лугу. Но это было покушение с негодными средствами. Мне даже не пришлось дать объяснения. Каждый солдат в те дни прекрасно отдавал себе отчет с какой целью большевики развивают кампанию.

Веченку меня отвели в одному рабочему, занимавшему небольшую квартиру в маленьком одноэтажном доме.

Он был пожилой, семейный рабочий, хороший, выдержанный большевик, старый член партии. Он великолепно разбирался в событиях и разговор с ним был для меня большим удовольствием. Между прочим он показывал мне полученную из Петрограда нашу партийную газету "Рабочий", выходящую вместо "Правды" где мне бросился в глаза напечатанный на видном месте наш список кандидатов в Учредительное Собрание от Петроградской губернии: "Денин, Наменев,

...Кольников, Шотман, Повери, Крыленко".
 ...орнувшись на следующее утро, в Петроград я прежде всего по-
 ... в Цема где сделал подробнейший доклад т.Свердлову, об оба-
 ... провинциальных поездках. Иков Михайлович, не считаясь со
 ... временам, чрезвычайно внимательно воспринимал мое сообщение,
 ... ния во все мельчайшие детали и особенно чутко прислушивался
 ... к языку цифр, расованных реальное соотношение реальных сил.
 ... фактически, в тот период активной подготовки вооруженного вос-
 ... стания, проводившейся, как через посредство военной организа-
 ... ции, так и непосредственно через Цема, все отдельные нити это
 ... работы сходились к Икову Михайловичу Свердлову.

... это был выдающийся, я думаю без преувеличения можно сказать,
 ... реальный организатор.
 ... редчайшим психологическим чутьем он быстро схватывал индиви-
 ... дуальные способности каждого работника и направлял его по пу-
 ... ти, который более всего соответствовал его силам.

... Детские характеристики, т.Свердлова, иногда в двух-трех сло-
 ... вах, давали исчерпывающую характеристику того или иного товари-
 ... ша.

... Наблюдательность и знание людей почти никогда его не обманыва-
 ... ли. Исключительная сила воли, ум, коммунистическое благородст-
 ... во и безграничная преданность делу рабочей борьбы ставили его
 ... в первый ряд лучших работников нашей партии.

... Несмотря на долгий срок, прошедший со дня его смерти, остав-
 ... ленное им пустое место, до сих пор никак не замещено.

... Распроцавшись с т.Свердловым, я отправился в военную организа-
 ... цию. Она помещалась тогда на Дитейном проспекте между зданиями
 ... сгоревшего окружного суда и Дитейным мостом в большом доме,
 ... выходящим своими боковыми фасадами на Шпалерную улицу и на на-
 ... бережную Нави.

... Равиская Николай Ильиче Подвойского, я с увлечением начал рас-
 ... суживать ему о моих провинциальных впечатлениях, укрепивших
 ... мое тюремный обитием на счет пролетарской победы. Николай

... с интересом прослушал то, что говорил, а затем с озабоченной и печальной видом сообщил мне, что Питерские военные работники связанные местными полками придерживаются пессимистической оценке.

Подвойский предложил мне остаться на заседании военной организации, которое должно было немедленно начаться.

Я согласился и имел случай лично убедиться в мирном настроении уполномочителей Петроградского гарнизона. На этом собрании между прочим, присутствовал тов. Давидовский вносящий бодрую ноту общей довольно неуверенную оценку о ближайших перспективах.

Возможно что опасаясь ответственности за много обещающие заявления, большинство руководителей воинских частей невольно гугуляя краски изображая положение в более темных, красках, чем оно было на самом деле.

Во всяком случае, это настроение Питерских военных большевиков является, характерным.

В "военке", по Шпалерной, я провалял прямо в Смольный,

в эти дни. накануне Октябрьской революции мне пришлось быть участником многочисленных собраний почти непрерывно происходивших в актовом зале, как актовом зале, так и в других помещениях бывшего Смольного института.

Особенно врезались в мою память три заседания.

Большой зал Смольного залит огнями огромных люстр. Происходит очередное заседание В.Д.К.К-а. Председательствует правый эсер Коц. Вместо обсуждения стоящих повестки вопросов, вместо официальных партийных ораторов живая трибуна всходит один за другим прибывшие делегаты фронтовиков. На всем их внешнем виде, на небритом лице, на обросшем волосами лице, на потертой замусоленной шинели, на грязных, давно не чищенных сапогах лежит отпечаток окопов.

В своей речи все они трабуют одного и того-же: мира, мира во что-бы то ни стало, какому-бы то ни было ценой.

...наше нам хоть похабный мир", говорят именованный, коммунистический
...ной солдатский делегат.
...привскочивает с места, хватается за колокольчик, судорожно
...нит, но уже поздно. Депутат из траншеи успевает оказать, все,
...что его уполномочили стоящие за ним десятки тысяч фронтови-
...которые предстанутки читают короткие резолюции, написанные
...листом нам гривенных полуоборванок, протершихся на стибках
...ках бумаги. Резолюции требуют мира и указывают прелепный
...солдатского терпения, угрожая с началом зимы самовольно
...и массой, покинуть окопы. Видно, что армия возмать больше не
...т, а временное правительство, связанное союзными обыватель-
...ми с Антантой не способно заключить мир.
...и фронтовых делегатов настойчиво подтверждают целесообразность
...деленной рабоче-крестьянской революции.
...рое заседание. Тот-же зал, но при менее парадном освещении.
...председательской трибуны вместо Гоца тов. Троцкий. Деловито
...багаат, здороваясь секретарь Петроградского Исполкома Лев Ци-
...нович Каралай.
...ды заняты только солдатскими выносами и гимнастерками.
...и сплошной цвет "маки". Происходит собрание гарнизонных пред-
...стителей. Ораторы говорят исключительно в нашем духе. Редко-
...то мелькнет на трибуне тень соглашателя, встреченная всеоб-
...волобренцем. Настроение Петроградского гарнизона красноре-
...во свидетельствует, что он созрел для пролетарской революции
...готов постоять за нее.
...тое заседание. Одна из просторных комнат очевидно, пре-де слу-
...кой квартирой классной дамы, или дортуаром для институток. Но
...здесь происходит секретное собрание ответственных предст-
...вавшей район. В зал заседание пропускают под строгим контро-
...По заки стола прислонившись к стене, стоит т. Дольф Абрамо-
...и Коффе. Он берет слово и произносит горячую речь. Он занимает
...на левом крыле партии и как сторонник выступления подде-
...вает линии Цема.

Володарский, видимо колеблется его точка зрения. Мне не
 совсем ясно. Но пламенный темперамент трибуна глечет
 революционной
 влево, в сторону немедленной схватки с душителями революции
 и буржуазии. Затем бежит слово тов. Чудновский, этот
 политический солдат революции вскоре погибший на красном фронте
 держа свою забинтованную раненую на войне руку, он са-
 дится на край председательского стола и прерывающимся от волне-
 ным голосом произносит возбужденную речь. Он занимает правую
 аудиторию. Он сомневается в успехе переворота, он приводит анако-
 домы. Однако большинство аудитории, видимо, не на его сто-
 рону. Еще более правый фланг составляет товарищ Борисович Рязан-
 цев решительно против вооруженного выступления. Наконец я то же
 представляю мне слово. Высказавшись в пользу свержения
 временного правительства я признаю серьезность препятствий сто-
 ящих на нашем пути.

После сообщения о положении дел в Новгороде и Дуге, я указав,
 Дугский Совет является по своему составу определенно-контр-
 революционным и в случае занятия Дуги войсками временного пра-
 вительства, охотно даст свое Советское знамя в распоряжение
 войск пролетарской революции.

Таким образом, наши враги преобретут возможность соблазнять мас-
 сы обаянием орудом совета.

В этот вечер меня говорили другие товарищи и собрание затянулось до
 поздней ночи.

10-го Октября Цема назначил мою лекцию в цирке "Модерн" озагла-
 вленную: "Перспективы пролетарской революции". Тема представляла
 широкий простор для резкой постановки злободневного вопроса
 о свержении временного правительства.

Цема широко использовал этот удобный случай и без всяких стеснений
 самым открытым образом критикуя политику временного правительства,
 в заключение, призывал аудиторию к вооруженному восстанию.

Огромная толпа рабочих, работниц и солдат, переполнявшая

~~311~~

сверху до низу ветхое здание цирка, целиком сожигаясь со мной.

Петроградские массы с энтузиазмом поддерживали повсюду идею пролетарской революции.

Временное правительство в данный момент было уже настолько бессильно, что не имело возможности повести борьбу с нашими выступлениями и только молча смотрело на братскую могилу, приготовленную нашими руками для всего буржуазного строя.

Флаг пролетарской революции несся на всех шпак.

Через несколько дней Временное правительство не стало.

Ф. Гаспарович?

Box _____ Folder _____